

Жизненный урокъ.

(Разсказъ).

I.

На небѣ догораютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца. Черныя тѣни поползли уже по селу Т.... Тихо на селѣ... Развѣ изрѣдка ночная тишина нарушится лаемъ какой-нибудь бездомной собаки... На окраинной улицѣ села..., которая недалеко отстоитъ отъ станціи желѣзной дороги, показались двѣ человѣческія фигуры.

„Отряхни, Иванъ, прахъ отъ сапогъ твоихъ, какихъ у тебя нѣтъ, и плюнь на это отсталое село...—говорила съ какою то злою пронією въ голосѣ фигура повыше.—Прощаль цѣлый день... Не обидно-ли? Ни одного сознательнаго элемента! А!? Что же ты молчишь?.. Эхъ, видно, ты тоже еще не доросъ до сознательныхъ, хотя я тебя уже четыре дня учу“.

— „Да, чаво говоришь то!—отвѣтилъ Иванъ, подтягивая свой пиджачишка, весь изодранный на спинѣ и локтяхъ.—Чаво скажешь то, когда въ животѣ пусто. Вотъ ты, баринъ, говорилъ, что тутъ поживемся у почтоваго чиновника, у аптекаря... Анъ вышло не то что выпить, а и на хлѣбъ то не дали твои сознательные... Я, баринъ, не пойму тебя. Сознательные люди,—ты вотъ меня четыре уже дня учишь, есть самыя что ни на есть лучшіе люди, анъ выходитъ, что то плохо: ѣсть то они не даютъ“.

II.

На станціи Т.... засуетилась прислуга, приготавлиаясь къ подходящему пассажирскому поѣзду. Вотъ и подхожденій свистокъ нарушилъ ночную тишину. Наши два знакомца прибавили шагу и пришли какъ разъ къ подходу поѣзда къ платформѣ. Поѣздъ остановился.. Засуетились пассажиры: кто бѣжитъ въ вагонъ, спѣша занять мѣстечко получше, а кто спѣшитъ взять кипятку, чтобы погрѣться.

Втерлись въ толпу и наши сознательные.

— Иванъ, шепнулъ „баринъ“...—Вотъ летитъ студентъ—братъ нашъ, этотъ уже изъ сознательныхъ, бѣги навстрѣчу и проси, этотъ никогда не позволитъ отбазать.

Иванъ уже дальше не слушалъ; бросился впередъ къ идущему студенту, толкая вѣхъ встрѣчныхъ на пути.

— Господишь!... Господишь!—тихо и робко отозвалъ Иванъ студента, но послѣдній, какъ бы не слыша, шагаль впередъ.

— Сознательный?!—съ нѣкоторою раздражительностью и давленіемъ въ горлѣ уже громко крикнулъ Иванъ,—дай на хлѣбъ... три дня не ѣлъ!...

— Что присталь!—грубо крикнулъ студентъ.—Ишь!!

— Аль не узнаешь брата... я то-жь сознательный изъ Питера...—ужь зло смѣясь продолжалъ Иванъ.

Студентъ обругалъ его неприличнымъ словомъ, крикнулъ, что онъ позоветъ жандарма.

— Эхъ, собаки... кровопійцы... Всѣ вы сознательные, навѣрно.—Не успѣлъ еще Иванъ окончить своей рѣчи, какъ къ нему подлетѣлъ его товарищъ.

— Ну, что?... Видишь... долго съ тобой разговаривалъ... Сколько же даль?...—весело спросилъ „баринъ“.

Но Иванъ не отвѣчалъ, а молча смотрѣлъ на товарища и глаза его бѣгали какъ у безумнаго.

— Даль! Ха, ха, ха!!—не засмѣялся, а простоналъ бѣдный подавленный Иванъ.

День, день!... раздалось въ эту минуту, и сознательный товарищъ потащилъ Ивана за руку въ вагонъ третьяго класса.

III.

Поѣздъ тронулся. Оба товарища вошли внутрь вагона и стали подлѣзать подъ скамейки. Сидящіе три пассажира, глядя другъ на друга, улыбнулись, а одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „трусливъ, какъ заяцъ“, а товарищи уже и ножки спрятали.

Разстояніе отъ станціи Т... до слѣдующей большой станціи М... небольшое и подь уклонъ. Быстро бѣжитъ поѣздъ, разсѣвая ночную темноту. Колеса, въ стукъ которыхъ такъ внимательно прислушивался Иванъ, какъ бы живыя, выколачивая по рельсамъ, говорили ему съ насмѣшкою: „кавъ же, какъ же, поживешься... какъ же, какъ же, подживешься“.

— Да, поживешься, должно быть!— вслух подумалъ Иванъ, и, не утерпѣвъ, потихоньку обликнулъ „сознательнаго товарища“.

— Поджился!?. Сознательный!.. Что же молчишь?... Аль языкъ то отсохъ отъ сознательной подачи... Голосъ Ивана прервался на секунду.

— Съ голоду померемъ, видно, братъ, если у сознательныхъ твоихъ будемъ просить... Эхъ, баринъ, баринъ... продолжалъ шепотомъ говорить изъ подъ лавки Иванъ какимъ-то грустнымъ голосомъ,—попросимъ-ка мы у тѣхъ, кого ты хулишь, да все ругаешь!—Въ вагонѣ тишина. Пассажиры уже спятъ. Только Иванъ продолжалъ перешептываться съ „баринкомъ“. Вдругъ дверь щелкнула и Иванъ замолкъ. Промель быстро провѣряющей кондукторъ. Опять все смолкло. Въ это время раздался пронзительный подходной свистокъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ поднялись, но наши „зайцы“ еще сидѣли.... Запрыгалъ поѣздъ по безчисленнымъ стрѣлкамъ станціи М.... и машинистъ сталъ замедлять ходъ.

— Выходи, Иванъ!—крикнулъ товарищъ и полѣзъ самъ. Поѣздъ остановился и наши путники благополучно выползли на освѣщенную платформу.

Изъ вагона 2-го класса вышелъ молодой священникъ, направляясь въ вокзалъ I—II классовъ, прошелъ мимо нашихъ знакомцевъ.

— У!... прошипѣлъ, какъ змѣя, сознательный „баринъ“ въ слѣдъ священнику и въ догонку бросилъ презрительно „черносотенецъ“.

Забилось сердце у Ивана и онъ, грубо толкнувъ своего сознательнаго товарища, твердымъ голосомъ сказалъ: Цыцъ!... Онъ то тебѣ только и дастъ!... Смотри!.. и Иванъ сталъ около выходной двери, ожидая обратнаго возвращенія священника. Священникъ себя не заставилъ долго ждать. Выпивъ наскоро стаканъ чаю и услышавъ другой звонокъ, онъ направился къ выходу.

— Батюшка!—слышитъ бѣзъ сзади себя чей то голосъ и обернулся.

— Подайте, ради Христа!... Цѣлый день не ѣлъ!

— Ты откуда же, братецъ?—Ласково и задушевно спросилъ Ивана священникъ.

— Изъ Питера... рассчитали... а теперь въ сознательные попалъ.

Священникъ досталъ изъ кармана пятачекъ и, подавая Ивану, сказалъ: Брось-ка все это братъ, и иди трудись...

О, какъ глубоко эти простыя, но отъ сердца сказанныя, слова глубоко запали въ душу Ивана.

Получивъ пятачекъ, Иванъ подошелъ къ своему „барину“—учителю и сказалъ:

— Ну, братъ-баринъ, пойдѣ ка ты попроси у начальника станціи; онъ должно быть сознательный... Аль... нѣтъ ужъ... подумалъ, замолкнувъ на секунду Иванъ,—пойдемъ, купимъ за пятачекъ хлѣба, да съѣдимъ... Хотѣлъ было тебѣ, баринъ, не дать да видишь, я еще сознательнымъ не сдѣлался... Эхъ ты, баринъ, баринъ! училъ ты меня, что батюшки—враги наши, что они насъ обираютъ, дерутъ, какъ ты говорилъ, съ живого и мертвого... и вотъ, баринъ, эти то самыя кровопийцы, всегда подаютъ намъ вездѣ, и дома—въ деревнѣ, къ кому съ горемъ пойдешь? къ сознательному? Выгони!—идешь къ батюшкѣ... Кто пожалѣетъ нашего сѣряка грязнаго, какъ не батюшка; онъ знаетъ нашу нужду, съ нами живетъ, насъ понимаетъ... Нѣтъ, „баринъ“ больше я тебѣ не товарищъ! Пожормлю тебя въ послѣдній разъ, да и разная намъ дорога.

И Иванъ замолкъ.

IV.

Поездъ уже ушелъ. Наши товарищи купили 2¹/₂ фун. ржаного хлѣба и сѣли въ вокзалѣ 3-го класса закусить. Съѣвъ свою часть, Иванъ обратился къ барину, котораго онъ ни разу не назвалъ по имени, и сказалъ:

— Ну, братецъ, я иду ночевать въ село... прощай.. да! забылъ сказать тебѣ... помни!... что и ты все-таки къ нимъ обратишься въ нуждѣ и... получишь... Перекрестился Иванъ на большую стоящую тутъ св. икону и вышелъ изъ вокзала.

Въ вокзалѣ народъ началъ располагаться на ночлегъ. Съ невеселыми думами, подложивъ подъ голову пальтишко, примостился и сознательный—коротать ночь.

Священникъ Владиміръ Волагуринъ.

